

ДИАЛОГ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ФАЗЕ ГЕНЕЗИСА

Зайцев А.В.* (Россия, г. Кострома)

***Аннотация.** Предметом исследования данной статьи является фаза генезиса диалога государства и гражданского общества в сфере публичной политики современной России. Диалог власти и социума первоначально протекал в контексте общественного диалога. Начало Перестройки в СССР создало необходимые предпосылки для генезиса диалога государства и гражданского общества. Анализ развития институтов гражданского общества и формирование инновационных и, в то же время, противоречивых практик диалогических интеракций в сфере публичной политики находится в центре внимания автора публикации.*

***Ключевые слова:** диалог, государство, гражданское общество, генезис, институционализация, Перестройка, М.С. Горбачев, Б.Н. Ельцин, коммуникация, дискурс*

В дореволюционной России и в доперестроечный период существования СССР диалога государства и гражданского общества не существовало в связи с отсутствием полноценного субъекта данного вида общественного диалога: развитого гражданского общества. До начала генезиса диалога государства и гражданского общества коммуникация власти и социума протекала в контексте более широкой дискурсивной институции: общественного диалога.

...11 марта 1985 года Генеральным секретарем ЦК КПСС был избран М.С. Горбачев, а 23 апреля 1985 на Пленуме ЦК КПСС он сообщил о планах широких реформ, направленных на всестороннее обновление общества и государства, краеугольным камнем которых было названо ускорение социально-экономического развития страны. Однако подлинным началом перестройки принято считать 1987 год, когда на январском пленуме ЦК КПСС «перестройка» была впервые объявлена новым направлением развития советского государства.

О гласности и диалоге заговорили еще на XXVII съезде КПСС в феврале 1986 года. Тогда под гласностью подразумевалось обращение внимания на общества отдельные «недостатки, слабости и прорехи» существующей хозяйственной системы, с целью их оперативного устранения. Выступая перед делегатами съезда, М.С. Горбачев заявил: «Принципиальным для нас является вопрос о расширении гласности. Это вопрос политический. Без гласности нет, и не может быть демократизма, политического творчества масс, их участия в управлении» [1, с. 111]. Однако вскоре гласность выходит за первоначально определенные рамки. Теперь сутью гласности становится снятие существовавших многочисленных информационно-коммуникативных барьеров в политическом дискурсе власти и ее партнера по перестройке – формирующегося гражданского общества.

По мнению Дж. Бредли, в СССР вместе «с процессами “гласности” и “перестройки” началось возрождение гражданского общества» Важнейшими атрибутами данного процесса стало «появление ряда внепартийных, внесударственных организаций, обычно называемых “самодеятельными”, или “неформальными”, объединениями» [2, с. 77]. Благодаря этим неофициальным структурам, поначалу воспринимавшимся с недоумением, советские граждане, в основном образованные, получили возможность объединяться по собственной инициативе, избавляясь от чувства изолированности. Эти неформальные сообщества сыграли важную роль в процессе роста самосознания, в консолидации конкретных интересов избирателей, в развитии неофициальной коммуникации граждан, пробуждения частной инициативы и чувства гражданского долга. Более того, «самим своим существованием независимые объединения подрывали монополию государственной власти в сфере общественного мнения» [2, с. 77].

* Зайцев Александр Владимирович, кандидат философских наук, доцент, институт гуманитарных исследований и социальных технологий, Костромской государственный университет.

Начиная с 1987 года, самыми обсуждаемыми в СМИ вопросами становятся те, которые раньше властью традиционно замалчивать или игнорировались. Это эпоха правления И.В. Сталина, привилегии и льготы партийной и советской номенклатуры, бюрократизм, экологические и антиобщественные проблемы и другие негативные явления в жизни советского общества. В период гласности были освобождены из заключения многие диссиденты, в том числе был возвращен из ссылки А.Д. Сахаров. Правозащитная деятельность больше не сопровождается судебными преследованиями, а распространение неподцензурной информации (самиздата) не подавляется. Наиболее острые вопросы и злободневные темы свободно обсуждаются, дискутируются, выносятся на суд публики в сферу общественно-политического дискурса.

Вскоре вместе с термином гласность появились и другие новые в СССР общественно-политические понятия: плюрализм, консенсус, демократизация, толерантность. Первым российским, а точнее, еще советским политиком, признавшим политический плюрализм и политическую толерантность, то есть разнообразие общественных интересов и форм их организации на основе терпимости к чужим взглядам, суждениям и мнениям, был М.С. Горбачев.

Именно М.С. Горбачев, делая неверное ударение на букве «а», ввел в широкий общественно-политический оборот и понятие «диалог», постепенно наполнившееся новым эвристическим потенциалом и ранее неведомым этимологическим смыслом процесса переговоров между властью и обществом. «Диалог, а не монолог, – говорил еще в октябре 1986 года на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук М.С. Горбачев, – вот что является необходимым элементом действительно творческого процесса образования и воспитания молодежи». И далее: «Поиск истины должен идти через сопоставление различных точек зрения, дискуссии и обсуждения, ломку прежних стереотипов» [3].

В 1988 году вышла в свет книга М.С. Горбачев «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира», наполненная глубоким теоретико-философским, праксеологическим и эвристическим содержанием, но, так до конца еще, к великому сожалению, еще и не осмысленному даже и по сей день. Данная работа, которую почему-то традиционно относят к сфере трансформации внешнеполитического курса СССР, в действительности была адресована не только зарубежным партнерам по политическому диалогу, но, также, обращена к акторам общественно-политической коммуникации внутри страны.

Понятие «диалог», которым буквально «нашпигована» данная работа М.С. Горбачева, по мысли автора, объективно относится не только к сфере международных отношений, но и является необходимым условием утверждения принципов «нового мышления» на основе диалогизации общественно – политического дискурса власти и общества в СССР.

Уже с первых строк своей книги М.С. Горбачев заявляет: «Мы должны общаться, мы должны решать проблемы в духе сотрудничества, а не враждебности. Я прекрасно понимаю, что не все согласятся с моими мыслями. Да, собственно, и я не соглашусь со всем тем, что говорится по разным проблемам другими. Тем более, диалог должен идти. И эта книга – мой вклад в него» [4]. По утверждению М.С. Горбачева процесс демократизации вносит существенные коррективы во взаимоотношения критикующих и критикуемых. «Отношения должны стать партнерскими, строиться на почве общей заинтересованности. Тут более уместен диалог и совершенно неприемлемы всякого рода снисходительные нотации, назидательность и тем более прокурорский тон. А такое еще встречается даже у высокопрофессиональных, уважаемых авторов. Ни у кого нет права на истину в последней инстанции» [4]. И далее: «Формирование нового мышления требует живого общения не только с единомышленниками, но и с людьми, представляющими иные взгляды, отличающиеся от наших и философских, и политических», «мы – сторонники широкого диалога, сопоставления точек зрения, спора, дискуссий. Это возбуждает мысль, не дает ей застаиваться, замыкаться в привычном кругу представлений» [4].

Провозглашенное М.С. Горбачевым новое мышление предполагало становление инновационных для СССР коммуникативных механизмов обратной связи и формирования двухсторонних каналов коммуникативного взаимодействия государства, его органов и должностных лиц с собственными гражданами, общественными институтами и организациями, то есть с гражданским обществом на основе открытого публичного диалога. Уже позднее, 7 ноября 2009 года «Euronews» опубликовал интервью с М.С. Горбачевым, который так определил смысл проводившихся им во второй половине 1980-х годов полити-

ческих реформ: «...Перестройка – это участие людей, это информирование их, это дискуссия, это диалог в обществе. Власть через гласность, через свободу прессы осуществляется. Поэтому они взаимосвязаны, это две стороны одной медали» [4].

В конце 1980-х годов ситуация в сфере дискурса власти и общества, по сравнению со сталинско-брежневской монологической моделью политической коммуникации, коренным образом изменяться. Со стороны государства была предложена концептуально иная модель информационного взаимодействия с обществом, заключающаяся в отказе от тотального контроля за информационным полем и предоставлении возможности создания и развития независимых от власти информационных ресурсов. Символично, что два прежде сугубо партийных журнала – «Агитатор» и «Политическое образование» – были преобразованы в одно новое общественно – политическое издание, под названием журнал «Диалог». А после принятия Закона о печати, изменились и принципы партийно-государственной работы со средствами массовой информации и журналистскими кадрами. По словам самого М.С. Горбачева, в «отношениях с ними мы [то есть КПСС – А.З.] перешли от диктата к диалогу и партнерству» [5, с. 132].

На данный период времени приходит создание таких независимых от КПСС *Источников* массовой общественно-политической информации, как телепрограммы «Взгляд» и «Вести», «Радио России», ряда других электронных и печатных СМИ. Более того, учредителями многих СМИ становились сами редакционные коллективы, проводившие в большинстве случаев независимую от властей информационную политику в рамках своих изданий. Развиваются элементы двухсторонней коммуникации между властью и обществом, посредством СМИ, общество получило возможность артикулировать свои запросы по отношению к власти. Также появилась возможность тиражирования и распространения в обществе публичных критических оценок деятельности КПСС, государства и представителей органов власти со стороны гражданского общества, его отдельных представителей и политической оппозиции.

В отчетном докладе XXVIII съезду КПСС М.С. Горбачев заявил, что в процессе перестройки в СССР вместо «сталинской модели социализма приходит гражданское общество свободных людей», где на «смену атмосфере идеологического диктата» идет подлинное «свободомыслие и гласность, информационная открытость общества». В соответствии с этими коммуникативными процессами КПСС, по мысли ее Генерального секретаря, должна была трансформироваться в партию «диалога, дискуссии, сотрудничества и партнерства со всеми прогрессивными общественно-политическими силами страны» [5, с. 56, 90].

«СССР, – утверждает Г.Г. Почепцов, – представлял чисто монологический вариант цивилизации». Перестройка, в качестве части нового политического мышления», «приносит элементы диалогического общества» [6, с.297]. В результате старые иерархии рушатся: партийный работник «в негативного героя. Негативные в прошлом герои (диссиденты) становятся героями позитивными». При этом Генеральный секретарь ЦК КПСС, М.С.Горбачев призывал общество: «критикуйте парткомы, а мы поможем. То есть реально инициировал диалог» [6, с.297]. В ходе перестройки, начатой М.С. Горбачевым, партийный контроль над средствами массовой информации был снят; гражданские организации и активисты получили свободу слова, собраний, ассоциаций.

С середины 1980-х годов процесс возникновения все новых и новых общественных организаций шел довольно бурно. Первым было создано в 1985 году Всесоюзное добровольное общество борьбы за трезвость. В 1986 году оформляется Союз театральных обществ СССР, Всесоюзное музыкальное общество, Всесоюзный совет ветеранов войны и труда, Советский фонд культуры, в 1987 году – Союз дизайнеров СССР, Всесоюзное общество друзей кино, Московское общество инвалидов (опорно-двигательного аппарата), Советский детский фонд имени Ленина, Советский фонд мира и другие [7, с. 431]. Появляются различные «неформальные», в первую очередь, молодежные, а так же экологические и правозащитные объединения граждан.

К осени 1989 года многопартийности стала находить поддержку во всех слоях общества. Важным шагом на пути демократизации и диалогизации государства и общества стала отмена 6-ой статьи Конституции о «главенствующей роли КПСС», что привело к возникновению альтернативных политических партий. Созванный в марте 1990 года внеочередной, третий Съезд народных депутатов СССР отменил 6 статью Конституции и тем самым признал существование многопартийности в стране. С принятием закона СССР от 9 октября 1990 года «Об общественных объединениях», стала возможной официальная

регистрация политических партий, первыми из которых были ДПР, СДПР и РПРФ, зарегистрированные Минюстом РСФСР 14 марта 1991 года. Так, в СССР стала формироваться многопартийная политическая система.

- Известный российский историк Р.А. Медведев утверждает, что будто бы именно М.С. Горбачеву принадлежат такие фразы: «С оппозицией диалог невозможен» и «О плюрализме двух мнений быть не может» [8]. По словам этого же автора, М.С. Горбачев в отношениях с людьми был хотя и очень доступен, но также и крайне авторитарен, что, в конечном итоге, «не позволило ему стать сильным демократическим лидером». Так, например, разного рода совещания и заседания М.С. Горбачев «вел не слишком демократично». Это проявлялось как на заседаниях Верховного Совета СССР или на Съездах Народных Депутатов СССР, так и в ходе руководства работой Политбюро ЦК КПСС, где он, по утверждению Р.А. Медведева, «с трудом сдерживался, когда слышал возражения или критику. А часто и терял контроль над собой» [8].
- С такой антидиалогической оценкой личности М.С. Горбачева и его реальной политики перестройки солидарен и американский исследователь политической психологии Леон Рестинг, который полагает, что тот был «глубоко авторитарный человек. С оппозицией для него диалог невозможен. – Утверждает Л. Рестинг. – Горбачев так и не нашел в себе силы пойти навстречу Сахарову, сблизиться с ним и не использовал в полной мере политический капитал, который приобрел, освободив Сахарова и вернув его к активной политической жизни» [9, с. 198].

Трудно, сказать, какими *Источниками* пользовались два вышеназванных историка, поскольку они не указали где и когда М.С. Горбачев отказывал оппозиции в диалоге с ней. Напротив, публично он подчеркивал следующее: «Диалог, по-моему, необходим и возможен с любыми общественными группами, но при одном условии: если они за структурные преобразования без применения насилия и расовой дискриминации» [10].

В то же время лично сам М.С. Горбачев в своем стремлении к диалогизации страны был крайне монологичен. Это обстоятельство отмечают как его бывшие соратники, так и целый ряд исследователей. Опытный многолетний помощник предыдущих генсеков А. Александров-Агентов писал: «Горбачеву присущ очень серьезный для большого руководителя недостаток: он совершенно не умеет слушать, вернее, слышать своего собеседника, а целиком увлечен тем, что говорит *сам*». «Даже при такой процедуре, как доклад ему информации, это давало себя знать... Монолог, один монолог» [11, с.290, 290–291]. Эти черты – «нарциссизм», комплекс самолюбования и неумение прислушаться и учитывать советы и мнения других – сыграли крайне негативную роль и даже роковую в деятельности первого и последнего Президента СССР.

Бывший вице-президент СССР Г.И. Янаев вспоминал об особенностях делового диалога с М.С. Горбачевым так: «Приходишь на работу, вдруг “ревун” – прямой телефон: “Зайди ко мне”. И Горбачев полтора часа говорит... А ты чувствуешь себя, как глупая лошадь, только головой киваешь. Если удалось два слова вставить – считай, диалог состоялся. Выходишь и думаешь, как в том анекдоте: может, сказать, что хотел?» [12].

Другой соратник М.С. Горбачева, А.Н. Яковлев, следующим образом отзывается об особенностях президентского дискурса: «Он мог утопить в словах, грамотно их складывая, любой вопрос, если возникала подобная необходимость. И делал это виртуозно. Но после беседы вспомнить было нечего... Он умело скрывал за словесной изгородью свои действительные мысли и намерения. До души его добраться невозможно» [13].

По мнению историков М.Я. Геллер и А.М. Некрич, «диалоги с простым народом» занимают в политической тактике М.С. Горбачева особое место. Еще Н.С. Хрущев любил вступать в разговор с обычными людьми: в колхозе, на полевом стане, ферме или на заводе. Но М.С. Горбачев, по мнению этих историков, «превратил “диалог” в регулярную практику» [14 с. 398].

Горбачевский диалог обычно осуществляется как интервью: никто до него из советских лидеров не давал их столь много и так часто. Либо это был разговор между «народом» и «вождем». Вопросы, как правило, вращались в одном и том же кругу проблем, волнующих население: очереди и дефицит про-

довольственных товаров, жилищный кризис, кооперативы, вызывающие негодование, плохое качество товаров и т. п. Ответы трафаретны и тоже не приносят в коммуникацию лидера с массой ничего нового, чего не было бы в его официальных речах или в газетных статьях. Такие дискурсы, по мнению М. Геллер и А. Некрич, создают лишь видимость диалога и иллюзию разговора по душам. «Прием “диалога” позволяет Горбачеву демонстрировать свою “откровенность”, человечность, заботу о людях, быть несколько более раскованным, чем в публичных выступлениях, оставаясь, тем не менее, Отцом, поучающим неразумных детей» [14, с. 398–399].

При каждой публичной встрече с народом, тиражирующей в масс-медийном информационном пространстве с помощью телевидения, радио, газет и журналов, М.С. Горбачев «неизменно и обязательно задает свой главный вопрос: “Я хочу вас спросить: вы за настоящую перестройку? Или пусть она потихоньку идет?” И неизбежно слышит голоса: “За перестройку”. Диалог не прерывается. В Риге – Горбачев: “Есть у вас сомнения относительно нашей политики?” Голоса: “Нет...” Горбачев: “Поддержка?” Голоса: “Полная поддержка”. В Мурманске – Голос: “У нас перестройку все поддерживают”. Горбачев: “Да, я вижу. Вижу ваши дела. Сейчас так и надо”. В Москве – Горбачев: “Ваше рабочее мнение для нас очень важно. Из ваших слов я понял, что политика перестройки укоренилась в рабочей среде”. В Сибири – Голоса: “Хотим, чтобы Вы лично довели до конца перестройку, а мы в нее верим”. Горбачев: “Общее мнение?” Голоса: “Общее”» [14, с. 399].

Форма диалога хотя и получила довольно широкое распространение, обеспечив свободу распространения информации, СМИ, гласность, но реального публичного диалога, где обе стороны дискурса обладают одинаково симметричными правами, где они обоюдно интересны и нуждаются друг в друге, в коммуникативных практиках М.С. Горбачева отсутствуют. Для него диалог – это возможность высказаться лишь только самому, точка зрения партнера по коммуникации ему не интересна и по сути совершенно не нужна. М.С. Горбачев все хорошо знает сам и в публичке он нуждается лишь для одобрения, а не корректировки и перепроверки своей политической линии.

Оппоненты по сути дела, ему антипатичны. Их точка зрения признается антидемократичной и игнорируется без вступления с ними в аргументированную дискуссию. «Обратите внимание, как он умеет разговаривать на Западе, – говорил М.Я. Гефтер. – Теперь посмотрите, как он говорит с людьми на улицах наших городов. Он же никого не слышит! У него нет потребности услышать. Все, что они скажут, Горбачев знает наперед. Меня страшно интересует: с кем он говорит откровенно? И делится ли он с кем-нибудь? Если – нет, то его страшно жалко» [15].

Диалог для М.С. Горбачева это особая дискурсивно-риторическая технология самопрезентации, позволявшая ему позиционировать себя, как нового демократического лидера, обладающего и поддерживающего, благодаря технологии диалога, принципиально иной имидж, нежели чем его предшественники, опиравшиеся в своей политической коммуникации исключительно на монолог и субъект-объектную модель интеракции власти с обществом. И в то же главная заслуга М.С. Горбачева заключается в том, что именно он трансформировал и применил диалог к сфере социальных и политических коммуникаций, придал этому понятию новые смыслы и коннотации, которые прежде в традиционных дискурсивных практиках полностью отсутствовали.

Формирование новых общественных ожиданий, связанных с Б.Н. Ельциным, проходило в рамках прямого диалога первого российского Президента с обществом. Подтверждением этому были и его многочисленные выступления на митингах, и признание за народом права самим избирать своего лидера. При Б.Н. Ельцине в стране развивалась политическая и экономическая конкуренция, формировались свободная пресса и гражданское общество. Люди перестали бояться власти, учились говорить ей в глаза то, что думают. В тоже время, у российского общества не было опыта ни гражданской самоорганизации, ни политической жизни при разделении властей, ни сопутствующего такому разделению опыта «согласования интересов посредством диалога и компромисса».

В период президентства Б.Н. Ельцина в стране появилось большое количество некоммерческих организаций, на которые российская власть и бизнес мало обращали внимания и которые в основном финансировались из-за рубежа, получая материальную помощь в виде грантов. Какой-либо целенаправленной и внятной политики государства по отношению к гражданскому обществу не существовало.

Сигналы, исходящие от гражданских активистов и общественных организаций о необходимости налаживания диалога власти и общества, поддержки и практической реализации в 1990-е годы со стороны государства не получили. Хотя и сам Б.Н. Ельцин и его ближайшее окружение декларативно заявляли о своей готовности выстраивать партнерские отношения с формирующимся и растущим некоммерческим сектором российского социума.

После трагических событий октября 1992 года и «расстрела Белого дома» в администрации первого Президента РФ возникла идея заключения Договора об общественном согласии с основными участниками и акторами политического процесса в России. В преамбуле Договора отмечалась такая интенция, призванная микшировать предконфликтное состояние в обществе: «Диалог, поиск точек соприкосновения и общих позиций, разумные компромиссы должны стать фундаментальной нормой общественной и политической жизни» [17]. Данный договор был подписан 28 апреля 1994 года рядом политических партий и общественных организаций России, но не принят оппозицией в лице КПРФ и объединения «Яблоко».

Данный Договор, по мнению А.В. Глуховой утратил свою силу практически сразу же после его подписания в связи «с началом военных действий в Чечне, предпринятых в декабре 1994 г. без согласия не только участников Договора, но и обеих палат российского парламента» [18]. Ни одна статей Договора, включая ставку на диалог, не были выполнены, в том числе и до начала «первой чеченской кампании».

Консультативные и совещательные органы при Б.Н. Ельцине существовали на лишь бумаге, но фактически не играли никакой роли или даже не функционировали вообще. Так, Президентский консультативный совет (ПКС) – постоянно действующий совещательный орган при Президенте РФ был образован распоряжением Б.Н. Ельцина от 3 апреля 1992 года. Этим же распоряжением было утверждено положение об этом Совете и его персональный состав. А уже в феврале 1993 года он был упразднен самим же его создателем. М.Н. Полторанин, первый министр печати в российском Правительстве, в своем рассказе о деятельности консультативного совета при российском Президенте, вспоминал: «На заседании... обычно выступают 5–6 человек. Ельцин молчит, а затем скажет 8 слов и поступит по-своему» [16].

11 октября 1993 года распоряжением Б.Н. Ельцина была создана Общественная палата Конституционного совещания для политических консультаций «по широкому кругу социально-политических вопросов». Ее основной задачей была определена выработка предложений, изменяющих и дополняющих проект Конституции страны. В палату входили представители зарегистрированных Минюстом политических партий, массовых движений, общественных и молодежных организаций, предпринимательских объединений, религиозных конфессий, ассоциаций органов местного самоуправления и общероссийских профсоюзов. Координировал работу палаты А.А. Собчак.

Этот негосударственный совещательный орган, успешно выполнивший свою задачу, мог бы быть распущен после принятия Конституции. Но 16 февраля 1994 года на его основе Б.Н. Ельцин создал Общественную палату при Президенте. Сопредседателем палаты опять был назначен А.А. Собчак. Палата включала в себя 250 представителей общественных объединений, где партии составляли всего лишь 7% от ее членов. Решения Общественной палаты оформлялись в виде рекомендаций, которые передавались главе государства. «Смыслом ее работы должен был стать постоянный диалог общества и власти по самым актуальным вопросам». – Пишет политический журналист Л. Андрусенко [16]. По свидетельству С.Г. Кара-Мурзы, Общественная палата при Б.Н. Ельцине был «хорошо финансируемый, но абсолютно бессмысленный орган, в котором заседали в основном интеллигенция», где «собирались люди совершенно аполитичные и безответственные и говорили, как им Бог на душу положит» [16].

После президентских выборов 1996 года Общественная палата прекратила свое функционирование. А 25 июня 1996 года был образован другой совещательный орган – Политический консультативный совет при Президенте РФ. В его состав входили представители политических партий, общественных движений, профсоюзов, предпринимательских союзов, религиозных организаций. Совет консультировал главу государства по социальным, экономическим и политическим вопросам, хотя задумывался как медиатор между федеральными органами государственной власти и общественными объединениями.

Однако, «особой роли он тоже не играл, и все называли его “карманным” органом, но видимость политического плюрализма» [16].

Д.Я. Травин в очерках по истории либерализма в новейшей России замечает, что даже «весьма грамотные гайдаровские реформы осуществлялись вне какого бы то ни было диалога с реформируемым народом» [19, с. 78]. Это же можно сказать и о чубайсовской ваучеризации и приватизации, которые фактически были навязаны обществу свыше, даже без попытки установить хоть какое-то подобие двухсторонней коммуникации власть – граждане. А ведь демократия, «если она не культивирует диалог, компромиссы, согласие, то, – как пишет М.А. Краснов в своей книге по исследованию персоналистского режима в России, – перестает быть собственно демократией» [20, с. 158].

По мнению О.Ю. Малиновой, «главной отличительной чертой публичной сферы ельцинской поры был конфликтный плюрализм» [62, с. 69]. В этот период в публичном пространстве хотя и шла борьба за общественное мнение, в которой принимали участие различные акторы, но государственная власть «не проявляла стремления остаться единственным игроком на этом поле (хотя и не стеснялась использовать ресурсы давления – и в этом смысле игра отнюдь не была равной) [21, с. 70].

В период президентства Б.Н. Ельцина, по утверждения С.В. Володенкова, в сформировавшейся модели информационного взаимодействия и ограниченного диалога между властью и обществом появилось промежуточное звено, состоящее в основном из привилегированных олигархических групп, в интересах которых, нередко, и использовался выстроенный механизм взаимоотношений между государством и его гражданами. Влияние самого государства на информационное поле во многом было минимизировано, отсутствовала сколь-нибудь вменяемая информационная государственная политика, и, строго говоря, возникла достаточно серьезная угроза вытеснения государственной власти из информационного пространства страны на его периферию. А это, в свою очередь, могло повлиять и на уровень информационной безопасности государства в целом. Это обстоятельство вызвало необходимость корректировки политического дискурса власти, бизнеса и общества и формирования новой модели их информационного взаимодействия [22].

Главный итог прединституционального этапа (1985–2000 гг.) заключается в появлении многочисленных общественных организаций, политических партий, коммерческих и некоммерческих структур, лоббировавших как партикулярные, так и общественные интересы, и искренне желавших принимать участие в публичной политике, в диалоге с государственной властью. Иными словами, в этот период генезиса диалога началось формирование полноценного партнера по диалогу с государством в лице институционализирующегося гражданского общества, обладающего субъектностью и испытывавшего потребность в коммуникации с властью.

Второе важнейшее обстоятельство заключается в семантической трансформации термина «диалог». Дело в том, что именно на этапе генезиса термин «диалог» получил новые смысловые коннотации и стал восприниматься уже не столько как межличностное общение между двумя или несколькими физическими лицами, а как intersubjective взаимодействие в публичной сфере между институционализированными и неинституционализированными акторами социально-политической коммуникации [23]. Диалог стал интерпретироваться как субъект-субъектная коммуникация, как процесс переговоров, сотрудничества, партнерства и так далее. Данные предпосылки создали необходимые предпосылки для начала процесса институционализации диалога государства и гражданского общества [24].

Список литературы

- [1] Горбачев М.С. Политический доклад ЦК КПСС XXVII Съезду Коммунистической партии Советского Союза. – М.: Политиздат, 1986.
- [2] Бредли Дж. Общественные организации и развитие гражданского общества в дореволюционной России // Общественные науки и современность, 1994. №5. – С. 77–89.
- [3] Горбачев М.С. «Учить по-новому мыслить и действовать»: Речь на всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук // «Правда» 1986 г. 2 октября.

- [4] Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. – Политиздат, 1988.
URL: <http://www.newchrono.ru/prcv/Publ/Gorbachev/perestroika.htm>. (30.08.2014).
- [5] XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 2–13 июля 1990 г.: стенографический отчет. – М.: Политическая литература, 1991. Т. 1.
- [6] Почепцов Г.Г. Паблик рилейшнз для профессионалов. – М.: Релф Бук, – К.: Ваклер, 2001. – 656 с.
- [7] Коржихина Т.П., Степанский А.Д. Из истории общественных организаций / под ред. В.С. Лельчука // Историки спорят. – М.: Издательство политической литературы, 1988.
- [8] Медведев Р.А. Советский Союз. Последние годы жизни. Конец советской империи.
URL: <http://lib.rus.ec/b/281567/read>.
- [9] Водолазская Е.С. Раиса Горбачева. – Ростов на Дону: «Феникс», 2000. – 319 с.
- [10] Остерман Л. Интеллигенция и власть в России.
URL: http://www.gramotey.com/?open_file=401213958782.9 (Известия 26 июля 1989 г.).
- [11] Александров-Агентов А.М. От Коллонтай до Горбачева / под общей ред. И.Ф. Огородниковой. – М.: «Международные отношения», 1994. – 304 с.
- [12] Богданова О. ЧП союзного масштаба, 6 Ноября 2000. Ч. I.
URL: <http://www.stringer.ru/Publication.mhtml?PubID=1248&Part=0>.
- [13] Яковлев А.Н. Омут памяти. От Столыпина до Путина. – М., 2001. Т. 2. // Бушуев В. Горбачев и перестройка.
URL: <http://www.alternativy.ru/ru/node/1252>.
- [14] Геллер М., Некрич А. История России, 1917–1995: В 4 т.: учебное пособие для студентов высш. учебных заведений. – М.: МИК, Агар, 1996. Т. 3: Утопия у власти. Кн. 3: Седьмой секретарь. Блеск и нищета Михаила Горбачева.
URL: http://krotoy.info/history/11/geller/gell_20a.html.
- [15] Гефтер М. «Пусть жестокий, но компромисс!» Беседа театрального критика Андрея Караулова с Михаилом Гефтером, опубликованная в октябрьском номере «Театральной жизни» за 1990 год.
URL: <http://gefeter.ru/archive/4833>.
- [16] Андрусенко Л. Ума палата. Вертикаль гражданского общества выстроят не хуже государственной // Политический журнал, 2004. №36 (39).
URL: <http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=126&tek=2363&issue=70>.
- [17] Договор об общественном согласии от 28 апреля 1994 г.
URL: <https://www.lawmix.ru/pprf/84811>.
- [18] Глухова А.В. Почему в России так трудно достигается согласие? (политологический аспект проблемы).
URL: <http://www.rciabc.vsu.ru/irex/pubs/glukhova3.htm>.
- [19] Травин Д.Я. Очерки новейшей истории России. Книга первая: 1985–1999. – СПб.: Норма, 2010. – 368 с.
- [20] Краснов М.А. Персоналистский режим в России: опыт институционального анализа. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006. – 177 с.
- [21] Малинова О.Ю. Символическое пространство современной политики. Основные тенденции трансформации публичной сферы // Публичная политика в современной России: субъекты и институты: сб. ст. / отв. ред. – сост. Н.Ю.Беляева; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: ТЕИС, 2006. – С. 60–71.
- [22] Володенков С.В. Модель информационного взаимодействия общества и власти в современной России.
URL: <http://www.g3-group.ru/projects/infvz.php>.
- [23] Зайцев А.В. Публичная сфера как поле диалога государства и гражданского общества // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова, 2013. Т. 19. №1. – С. 203–206.
- [24] Зайцев А.В. Диалог в институциональной среде взаимодействия государства и гражданского общества // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова, 2011. Т. 17. №3. – С. 313–318.